

по предыдущей; если же моей последней должностью будет рассматриваться должность Главнокомандующего Грузинскими войсками то в этом последнем случае, следуя тому же закону, пенсию мне должны определить по предыдущей должности, т. е. по должности Главнокомандующего войсками Закавказской Республики. Во всяком случае, так или иначе, а вопрос надо решить скорее, так как с июля месяца (а это был уже ноябрь) я никакого содержания не получал. Он опять обещал все ускорить. Я опять ждал, ждал и все получаю ответы, что нужно то одно, то другое составить и т. п. Тогда я пошел к Военному Министру, и вдруг он мне сказал, что все это он сам устроит, что он отдаст приказ без Правительства. Я зашел к Гедевановичи и сказал ему об этом. Во время моего нахождения у него, зашел Военный Министр и возбудился разговор по моему вопросу. К моему удивлению, ген. Гедевановичи категорически настаивал, что этого сделать нельзя без Правительственного постановления; Военный Министр категорически сказал, что он отдаст приказ. Оставалось только дать на подпись проект приказа, что могло занять времени не более 5 минут. Ген. Гедевановичи обещал все сделать и прислал мне копию приказа. Я ушел от него уверенный, что через 2-3 дня все будет устроено. Не тут-то было; прошло две недели, и я не получил ни ответа, ни привета. Через две недели я позвонил по телефону Гедевановичи и спросил его, отдан ли таковой приказ и почему он мне ничего не сообщает. Он мне ответил, что теперь помощником Военного Министра по хозяйственной части назначен ген. Мдивани и он все дело передал ему, и просил меня обращаться с этим вопросом уже к ген. Мдивани. Итак я получил полное его содействие. Я позвонил к ген. Мдивани. Началась опять старая история с должностями, с докладами, со справками и прочее: заканчивалось стереотипной фразой все скоро устроить. Между тем события не ждали и надвинулась грузино-армянская война. Я не буду вдаваться в ее причины и поводы; не буду вдаваться в подготовку к ней, как внешне-политическую, так и в военном отношении.

ГЛАВА VI

Армяно-Грузинская война. — Главное командование. — Шулаверские события. — Конец войны с Арменией

АРМЯНО-ГРУЗИНСКАЯ ВОЙНА

Военные представители Антанты, конечно, как и немцы, косились на развевающийся над Учредительным Собранием красный флаг и также на марксистское Правительство Грузии. Симпатии их были на стороне армян. Кроме того, в армянских войсках было много офицеров — русских. Наше офицерство называло армянские войска „7-й Деникинский корпус“. Конечно, у армян были другие более глубокие причины атаковать Грузию, тем более, что между Правительством Армении и Грузии шли переговоры. Находясь в отставке, я не был в курсе этих переговоров.

Армяне, атакуя Грузию, не могли рассчитывать овладеть Грузией; несомненно, они это знали и вряд ли даже под подстрекательством Деникина и, возможно, представителей Антанты (всего двух капитанов, одного англичанина и одного француза) рискнули бы воевать с Грузией.

В 1919-м году Грузинское Правительство издало книгу „Из истории Грузино-Армянских отношений“ на русском языке. Эта книга попала мне в руки уже в эмиграции, и, приготавливая свои воспоминания к изданию, в 1955-м году я счел необходимым добавить несколько слов на основании этой книги. Переговоры с армянами вел Сосико Мдивани, неудачный дипломат в Армении в 1918-м и затем в Турции в 1921-м году, передавший Батуми туркам. Из написанного в этой книге выясняется, что наши лидеры с 1917-го года обещали армянам те грузинские области, где большинство было армян, и это, вероятно, вследствие плохо понятого и неправильно примененного принципа самоопределения народов. Дело в том, что испокон веков

Грузия давала приют бегущим из Турции армянам, как сейчас все страны дают приют убегающим из России. Конечно, мы могли бы согласиться на исход из Грузии армян к себе в новообразованную родину, но вовсе не передавать территорию, которая всегда составляла часть Грузинского государства.

Что касается подготовки к войне со стороны Грузии, то таковой совершенно не было, ни внешнеполитической, ни военной. Армяне это знали и, будучи уже готовы к войне, они рассчитывали сразу захватить претендуемые ими области и верно полагая, что представители Антанты остановят войну, а может быть, даже имели их согласие на это.

Кровь грузин лилась с 8-го декабря, а мобилизация была объявлена лишь 18-го декабря, и это тогда, когда бои шли в 60-80 верстах от столицы. Скажу больше, 12-го декабря с особым торжеством праздновали день взятия арсенала Народной Гвардией, для большего торжества которого, как я узнал позже, из Екатериненфельда, театра военных действий, была вызвана в Тбилиси конница Гвардии.

18-го декабря, в день объявления мобилизации, я пошел к начальнику генерального штаба ген. Андроникашвили и заявил ему, как старшему начальнику офицеров генерального штаба, что я себя предоставляю в полное его распоряжение и он может меня использовать на любой должности генерального штаба или другой, включительно до начальника разведческого эскадрона. Тут же я его спросил про обстановку; он сказал, что мобилизация объявлена, что через несколько дней будут войска, которые и пойдут на фронт, а что эти части, которые имеются под рукой, посылаются на помощь к ген. Георгию Цулукидзе. „Куда же“, — спросил я. „В Санаин“, — ответил он, — „туда сегодня уже пошел эшелон полк. Вачнадзе“. „В Санаин, — сказал я, — ни одного человека нельзя посылать туда, напротив, все надо скорей вытаскивать назад, в Садахло; если можно, остановите скорей эшелон Вачнадзе“. Он мне ответил, что он лично ничего не может сделать, так как Главнокомандующим назначен ген. Гедеваншвили, а к нему начальником полевого штаба ген. Имандзе, но что он скажет им об этом моем мнении. Я ушел от него, подтвердив, что буду ждать его назначения.

На другой день я узнал, что формируется офицерский полк. Эшелон Вачнадзе не был остановлен и у Айрума, потеряв треть состава, простреляв все патроны и окруженный со всех сторон в ущелье-щели, попал с остатками в плен. Мало того, оказывается в эту Санаинскую шель были посланы броневые поезда и гаубичная батарея, которые в этой местности, конечно, не были пригодны. Все это меня до крайности угнетало и удивляло, как удивляло составление какого-то нового полевого штаба, который, конечно, при наличии генерального штаба и незначительности нашей территории являлся совер-

шенно лишним учреждением. Ужасно было состояние моей души; я прямо не находил себе места. Мне было обидно за родину, так глупо попавшую впросак, мне было обидно за армию, несущую в течение уже 10 дней одни неудачи, мне было обидно за умирающих бойцов, поставленных в невозможные условия борьбы, и это под звуки тбилисских торжеств 12-го декабря гвардейского праздника, годовщины взятия арсенала; мне было больно за своих боевых товарищей, героев последней войны, и здесь обреченных на позор, ибо, заслуживши высшие боевые награды за бои с серьезными противниками, здесь они были поражены несомненно слабейшим врагом; мне было обидно за все, что делалось, и в то же время я сознавал, что совершенно не в силах чем-либо помочь, я был обречен на бездействие и должен был ждать. На третий день я решил пойти и записаться в офицерский полк рядовым бойцом. Бездействие и молчаливое созерцание всего происходящего было нестерпимо. Как раз, когда я надевал пальто, чтобы идти записываться в офицерский полк, приехал офицер из штаба с запиской от ген. Андроникашвили, предлагающей мне на выбор две должности: начальника штаба к ген. Магалашвили, формирующему Добровольческий корпус, или начальника штаба дивизии к ген. Мазниашвили. Я пошел в штаб. Там в кабинете ген. Андроникашвили я встретил ген. Гедеваншвили, который стал мне советовать принять должность начальника Добровольческого корпуса, который, по его словам, самое большее, через две недели будет сформирован. Мне было грустно, но я не мог не улыбнуться. Теперь для всякого ясно, что он не мог сформироваться так быстро и что, во всяком случае, до его формирования война, если бы не была закончена, то во всяком случае решительные бои разыгрались бы без участия этого корпуса. Я ответил сдержанно, что я приму тот штаб, который будет действовать на поле сражения завтра же, и что мне все равно быть начальником штаба корпуса или дивизии; поэтому, если ген. Мазниашвили ничего не имеет против, то я пойду начальником штаба к нему. Мазниашвили был тут же и выразил свое согласие. Мне в первую минуту показалось, что он как будто не особенно доволен этим; возможно, что это было не так и мне это подсказала моя, быть может, в этом случае чрезмерная подозрительность. В следующую минуту я это объяснил его конфузливостью получить к себе в начальники штаба своего бывшего начальника. Сам Мазниашвили лучше это знает; во всяком случае мы начали наше общее дело в добром согласии и так же его закончили. В это время в кабинет вошел Военный Министр и, узнав, что я иду начальником штаба к ген. Мазниашвили, выразил мне свое удовольствие. Тут же возбудился вопрос об офицерском полку; кажется, я послужил причиной; я признался, что сегодня уже шел записываться в этот полк. Выяснилось, что командиром этого полка назначается полк. Нарекеладзе, который уже начал формирование. Я не мог не вмешаться и выразился, что во главе такой части, как офицерский

полк, должно быть назначено лицо с авторитетным и почетным именем и что таковым является наиболее подходящим полк. Бакрадзе, отличный строевой офицер и с 2-мя офицерскими Георгиевскими крестами. Ген. Гедеваншвили стал отстаивать кандидатуру полк. Нарекеладзе. Военный Министр приказал сейчас же назначить полк. Бакрадзе. Я ушел из штаба и в тот же день вступил в свою должность.

Мазнишвили в своем кабинете встал со своего кресла, посадил меня туда и сказал: „Вот тебе карта, бумага, чернила, карандаши, перья. Орудуй“. Я начал свою работу. Между тем дела шли неважно. Ген. Георгий Цулукидзе отошел к Садахло. Я каждый день утром и вечером был в штабе и узнавал о положении наших войск. Ген. Иманадзе, начальник полевого штаба, рисуя обстановку и указывая по карте расположение войск ген. Цулукидзе, сказал, что, вероятно, телеграмма перепутана, ибо не может быть такого расположения наших войск. Действительно, наши войска стояли вокруг Садахло на предгорьях и были, собственно говоря, окружены противником; все высшие точки окружающих гор были в руках противника. К сожалению, это оказалось правдой, и на следующий день ген. Цулукидзе после боя едва-едва отошел в направлении на Ашаги-Сераль. Насколько труден был отход, может свидетельствовать тот факт, что части принуждены были отходить по правому берегу р. Дебеда-чай, а не по левому ее берегу, где проходила дорога на Ашаги-Сераль. Батарея Нагурия, проходившей по этой дороге, пришлось шашками проложить себе дорогу. Полк. Цулукидзе был отозван и вместо него был послан ген. Сумбаташвили с подкреплением в несколько сот человек. 23-го декабря ген. Мазнишвили и я выехали на ст. Ашаги-Сераль. В это время мобилизация еще не была закончена. Мобилизация была объявлена 18-го декабря только 4-х возрастов, но сверх того была масса добровольцев.

Надо сказать, что во время Батумской эпопеи на оборону Батуми откликнулась главным образом западная Грузия; на войну с армянами откликнулась уже вся Грузия; война оказалась весьма популярной, а близость врага к Тбилиси и наши неудачи лишь возбуждали и воодушевляли народные массы. Враг был всего в 2-3-х верстах от Тбилиси и прежде всего надо было выиграть время.

Ген. Мазнишвили и я подъехали к станции Ашаги-Сераль; нас встретил ген. Сумбаташвили. Увидев меня, он сказал мне: „И вы тоже приехали сюда замазать свое имя“. „Оно так замарано“, — отвечал я, — „что бояться больше его замазать не стоит“.

Обстановка была следующая. Остатки войск полк. Цулукидзе, всего менее 200 человек, отошли по правому берегу Дебеда-чай или ниже Бомбак; ген. Сумбаташвили отряд, т. е. те несколько сот человек, которые он привел в подкрепление полк. Цулукидзе, оттеснив передовые части противника, были всего в 2-3-х верстах к югу от

Ашаги-Сералия по направлению на Шулаверы. Как докладывал ген. Сумбаташвили, он прибыл тогда, когда полк. Цулукидзе уже начал отступать. Часть своих сил он выслал вдоль железной дороги с целью принять на себя отходившие части полк. Цулукидзе, а с остальными повел наступление вдоль шоссе на Шулаверы; остаток сил, что-то около 150 человек, держал в Ашаги-Серале, но к нашему приезду пришлось их израсходовать на подкрепление участка, ведущего бой на Шулаверском направлении. Итак, на правом берегу р. Дебеда-чай весьма жидко; вдоль железной дороги так же; на Шулаверском направлении в этот день овладели одной из вершин, но затем наступление приостановилось. Действия и распоряжения ген. Сумбаташвили должно признать правильными; несомненно они были рискованными, но только такими действиями можно было приостановить наступление армян, уже две недели имевших успех и вследствие этого наступавших с приподнятым настроением.

Именно движение на Шулаверы могло их заставить приостановиться в своем наступлении и обратиться к обороне этого города. Это наступление ген. Сумбаташвили на Шулаверы привлекло их внимание и приостановило общее наступление вдоль железной дороги на Тбилиси. Этим ген. Сумбаташвили выиграл драгоценное для нас время. Если бы армянский начальник был дальновиднее, он должен был бы продолжать движение вдоль железной дороги и по правому берегу р. Дебеда-чай, не обращая внимания на движение ген. Сумбаташвили на Шулаверы; он здесь почти не встретил бы сопротивления и мог в тот же день отбросить нас за Храм. К счастью, действия ген. Сумбаташвили вызвали со стороны армян именно тот образ действий, который был для нас наиболее желательным. Нам надо было во что бы то ни стало держать армян под страхом нашего наступления на Шулаверы. Взятие нами в тот день одной из вершин на Шулаверском направлении, как способствовавшего уверить армян в нашем желании взять Шулаверы, было для нас весьма благоприятной данью. Все это быстро пришло мне в голову во время доклада ген. Сумбаташвили, и мы все, выйдя из вагона, поехали верхом на позиции. Мы проскакали на крайнюю, выдвинутую вперед и вправо высоту, и оттуда мы увидели Шулаверы и окрестности далее, правее, к западу.

Ген. Мазнишвили вступил в общее управление и сейчас же образовано было два боевых участка: 1) ген. Сумбаташвили на Шулаверском направлении и 2) участок на правом берегу р. Дебеда-чай, сейчас не помню, под чьим начальством. Возвращаясь назад после объезда (с нами был и член штаба Гвардии Ладос Джибладзе), мы узнали от беглецов, что та высота, которая была только что взята нами, взята обратно армянами; беглецы полем, вразброд, направлялись на Храм; человек 50-60 мы лично остановили, причем Ладос Джибладзе ругал их, и, кажется, нагайка была в употреблении. Я был очень рад тому, что один из новых деятелей лично видел, что такое бой и что способы управления на поле сражения стары, как мир,

и никогда не изменятся; без понуждения нельзя водить людей в бой. Дело оказалось в следующем. Та вершина, с которой мы разглядывали расположение противника, была недалеко от только что взятой нами. Все сделала неожиданно появившаяся у армян артиллерия. Она открыла огонь и наши маловыдержанные, недисциплинированные добровольцы очистили высоту.

*
*

Ген. Мазнишвили храбрый; я несколько раз видел его под выстрелами и могу это засвидетельствовать. Храбр он и в такие минуты, когда обстановка ступает очень неблагоприятно. Но он страдает тем, что чересчур храбр, если так можно выразиться; он часто рискует собой, и мы могли неоднократно потерять такого человека, потеря которого была бы для нас большим ущербом. И здесь, когда мы слезли с лошадей и пошли на гору, он упрямо шел по гребню; я его укорял, но с ним ничего нельзя было сделать. Он добился своего, но нас открыли артиллерийский огонь по той вершине, откуда мы разглядывали; нам надо было быть очень осторожными. Один снаряд упал передо мной в нескольких шагах, и я был осыпан землей с ног до головы. „Этого ты хотел“, — закричал я Мазнишвили, и только тогда он сошел с гребня. Слава Богу, нас никого не задело. Этот артиллерийский огонь, в боях до нас, у Шулавер, со стороны армян был впервые и доказывал, что армяне привезли в Шулаверы орудия, а значит, привели и подкрепления. Когда мы оставили эту вершину и продолжали наш объезд, армяне открыли огонь именно по той вершине, которую наши только что взяли; наши не выдержали артиллерийского огня и бросили эту довольно важную высоту; беглецов с этой горы потом часа полтора-два мы и ловили при нашем возвращении по полю. Вернувшись назад в вагон, мы с ген. Мазнишвили быстро обсудили положение и согласились сразу, что армян надо хлопнуть справа, обходя их левый фланг, и ударить на Шулаверы с северо-запада. Но чем надо было ударить? Я тогда же сообразил, что в резерве у нас имеется три генерала и один член Учредительного Собрания. Мы отлично понимали, что нужно вырвать инициативу у противника, которой он владел уже две недели, но вырвать было нечем. Настала ночь. Я сознавал, что положение висит на волоске. Малейший нажим армян, и мы мигом очутились бы за Храмом. Мы были начальниками без войск. Из Тбилиси хладнокровно сообщали, что войск пока нет, что мобилизация еще не закончена, что принимаются все меры к ускорению и т. д. Я шагал по вагону, бесконечно смотрел в карту, изыскивал все способы извернуться, но не имея войск, ничего не мог придумать, снова ходил, снова смотрел в карту и т. д.

Между тем мной уже были приняты меры к упорядочению управления, к установлению св. и, тыла и проч. Около часа ночи вдруг услышал шум подходящего поезда. Послал адъютанта узнать. Через несколько минут он вернулся и доложил, что прибыла Хашгурская Гвардия. Я потребовал к себе начальника. Спросил, сколько людей, получил ответ 240; имеются ли патроны — ответил, что только по 30; „да что же вы, едете на войну и главного, патронов, не берете с собой“. Но тут же случившийся член штаба этой Гвардии сказал, что начальник не знает и что у людей по 200 патронов. Этот маленький диалог привожу для иллюстрации обычаев Гвардии. Приказал им немедленно выгружаться. Они просили подождать до утра. Я ответил, что я с удовольствием подожду, но боюсь, что противник не пожелает со мной согласиться. Настоял на своем. Эти 200 человек мне ничего не давали. После выгрузки я их отправил на правый фланг. Затем опять томительное ожидание, шагание, карта и пр. Часов в 4-5 подошел еще поезд. Я только отдал приказание разбуженному мною адъютанту выяснить, кто прибыл, как вошел начальник эшелона и доложил, что прибыл эшелон 5-го полка в составе 2-х батальонов с 15-ю пулеметами. Я чуть его не расцеловал. Я сразу успокоился. Еще несколько часов и начнем инициативу захватывать в руки. Кроме того, это была строевая часть. До этого в составе войск ген. Сумбаташвили было всего 2 роты 6-го полка подполк. Кончуева, остальные были Гвардия и добровольческие части. Сейчас же высадил батальоны из вагонов и отправил на правый фланг, согласно намеченному плану действий.

Я не буду останавливаться на всех подробностях этой войны. Отмечу лишь некоторые наиболее яркие эпизоды и симптоматично характерные факты.

ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Начну с главного командования. Не помню, в Тбилиси или в один из приездов Главнокомандующего ген. А. Гедеванишвили мне пришлось говорить с ним о предстоящих действиях. Ген. Гедеванишвили, говоря в общих чертах о предстоящих действиях, сказал, что собирается образовать две группы войск: одну на Садахлинском направлении, а другую на Воронцовском с резервом в Саидари и что он считает Воронцовское направление главным. Я высказался, что при данных обстоятельствах Воронцовское направление не может быть главным, что главное направление есть вдоль железной дороги, а Воронцовское или упрется в крепость Александрополь или вдоль Лори, и должно выйти на то же железнодорожное направление, но только длиннее, кружнее, опаснее при нашей неустойке на железнодорожном направлении; и наконец, мы не справимся с питанием на шоссе до 200 и более верст. Ген. Гедеванишвили оставался при сво-

ем мнению, и я ему сказал: „Не будем спорить, какое главное, кампания покажет, но ты дай нам на железнодорожное направление достаточно войск, и я тебе ручаюсь из второстепенного направления сделать его главным“. Предоставляю военному читателю разделить точку зрения мою или ген. Гедеванишвили.

Ген. Гедеванишвили приезжал неоднократно к нам и раз был на позициях, я его не сопровождал. Никаких указаний по Шулаверской операции он нам не делал и в этом отношении поступал совершенно правильно, тем более, по-видимому, что здесь ошибок не делается, а связывать инициативу и навязывать свою мысль исполнителю никогда не следует.

Однажды, после взятия Шулавер, он приехал в Ашаги-Сераль, благодарит Мазнишвили и меня от имени Правительства и от своего, целовал нас, а затем перешли к карте. Выслушав доклад, он дал нам указание для дальнейших действий; он нам приказывал пройти Садахло, но дальше линии, сейчас ее не помню, но знаю, что всего несколько верст южнее этого селения, дальше этой линии нам продвигаться не разрешалось, пока гвардейская группа, находящаяся в районе Екатериненфельда, не выравняется с нами. „Ну, а если они никогда не выравняются с нами, нам все ждать и стоять?“ — спросил я. „Они выравняются“, — ответил он, — „и тогда будет общее наступление“.

Таким образом, вместо того, чтобы развивать достигнутый успех, этот успех ставился в зависимость от успеха на другом участке, где могло его не только не быть, но могла последовать, быть может, неудача и, следовательно, срывался общий успех. Таким способом действий мы как раз давали противнику время оправиться и теряли с таким трудом вырванную у противника инициативу.

Был еще один его проезд, очень характерный. Кажется, это относится ко времени, когда были прекращены военные действия. Приехал Военный Министр, а потом и он. Военный Министр пожелал ехать к войскам; ген. Гедеванишвили сказал, что он должен вернуться в Тбилиси. Ген. Мазнишвили и я должны были сопровождать Военного Министра, но ген. Гедеванишвили заявил, что у него есть дело ко мне, вследствие чего я остался при нем. После отъезда Военного Министра мы направились к его вагону. Мы стали ходить влад и вперед около вагона и разговаривать; мы не вошли в вагон, вероятно, потому, что ген. Гедеванишвили не желал, чтобы наш разговор мог бы быть услышан кем-нибудь, иначе нечего было ходить на холоде. О боевых, прошлых и предстоящих действиях, не говорилось. Ген. Гедеванишвили говорил, что теперь Правительство очень хорошего мнения обо мне, что несомненно я опять буду приглашен служить, что он подаст в отставку и, вероятно, я буду его заместителем и т. д. в том же духе. Я молча слушал его и не совсем понимал, для чего он мне все это говорит. Не понимаю и сейчас; объясняю тем, что, по всей вероятности, этот вопрос очень его озабочивал.

Выслушав его, я ему ответил, что уйти или не уйти в отставку — это его дело, и если он бросает службу по своему желанию, то ему должно быть все равно, буду ли я его заместителем или нет; что, наконец, если он уйдет в отставку и мне предложат его должность, тогда я буду говорить по этому вопросу непосредственно с Правительством. Я не хотел ему говорить, что Правительство по политическим и личного характера соображениям никогда и ни в каком случае не предложит мне должности помощника Военного Министра, да и вообще такой должности, которая меня поставит во главе вооруженных сил, и что к этому оно прибегнет лишь под давлением чрезвычайных обстоятельств. Правительство своим последующим поведением в отношении меня до настоящего момента доказывало и сейчас доказывает, что мой взгляд был совершенно верен. Удовлетворил или не удовлетворил его если не ответ, то мое мнение по этому поводу — не знаю. Он уехал, а я вернулся к своим обязанностям.

ШУЛАВЕРСКИЕ СОБЫТИЯ

Операция Шулаверская тянулась до 28-го вечером, когда собственно Шулаверский бой был решен; 29-го войска вступили в Шулаверы. С 24-го декабря к нам стали подходить подкрепления и к 28-му стянулись сюда части 1 и 2 дивизий, правда не все, а также прибыли конно-пешие эскадроны нашей конницы. Шулаверы были бы взяты на один, даже на двое, суток раньше, если бы не привходящие обстоятельства. Из Тбилиси нас все время торопили со взятием Шулавер, ибо представители Англии и Франции требовали прекращения войны. Мы, конечно, не могли прекратить действий, не взяв Шулавер и не отогнав противника в его исходное положение. 24-го декабря, после отправки 2-х батальонов 5-го полка на правый фланг для действий против Шулавер по новому направлению, я получил известие, что идут из Тбилиси эшелоны Самтредской Гвардии в 500 человек под начальством ген. Чхетиани и пехо-конные эскадроны. Вообще мне сообщили, что войска станут ежесекундно подходить, так как мобилизация всюду заканчивалась. В отношении предстоящих действий ген. Мазнишвили и я стали совершенно спокойны и стали приводить в исполнение задуманный нами маневр. Одновременно с этим продуманным планом у меня назрел другой, рискованный, но плодотворный по своим последствиям; но я об этом ничего не говорил Мазнишвили, ибо согласно этого другого плана, надо было окончательно привязать армии к Шулаверам, заставить их побольше подтянуть туда сил и затем приступить к исполнению задуманного мной плана. Развитие действий на нашем правом фланге несколько не противоречило этому, а если бы этим приводимым в исполнение планом разбили противника и взяли бы Шулаверы, то и слава Богу. Мой новый план, как я сказал, рискованный был бы уместен именно

в том случае, если бы наша атака Шулавер по намеченному направлению не удалась бы и этим доказалось бы, что противник сильно сосредоточился в самих Шулаверах. К крайнему сожалению, наш план действия против Шулавер справа знал Ладо Джибладзе, который ездил с нами на позиции. Говорю к сожалению, ибо его вмешательство помочь этому помешало взять Шулаверы раньше.

Вот в чем дело. Эшелон с Самтредской Гвардией стоял в Сандари, на предыдущей станции; он получил приказание следовать на Ашаги-Сераль. В Сандари оказался Ладо Джибладзе или он ехал вместе с этим эшелонном, кажется, второе вернее, факт тот, что вместо эшелона приехал Ладо Джибладзе с ген. Чхетиани, вследствие чего терялось драгоценное время. Их паровоз занял очередь и не дал возможности отправить эшелон. Он, Ладо Джибладзе, мотивировал свой приезд тем, что, зная наш план действий справа, хотел предложить нам, не лучше ли высадить эшелон в Сандари и оттуда повести его прямо на Шулаверы. По существу, конечно, можно было бы так поступить, если бы у нас была твердая уверенность, что противник не рванет за это время по нашему центру или по левому флангу; для отражения неблагоприятной этой для нас случайности и необходимо было этому эшелону прибыть сначала в Ашаги-Сераль и отсюда приступить к действию по своему назначению. Пребывание его у Ашаги-Сералья давало нам возможность двинуть его на подкрепление в случае появления вышеуказанной неблагоприятной для нас случайности. Когда же этот эшелон уходил бы на правый фланг, то к этому времени подходил бы следующий эшелон из Тбилиси и у нас вновь образовался бы резерв. Конечно, все эти соображения не могли прийти в голову человеку, мало знакомому с ведением военных операций и, вообще, с военным делом. Когда Ладо Джибладзе приехал в Ашаги-Сераль, я сказал, что эшелон должен ехать сюда. Не могу сейчас сказать, в силу каких соображений и железнодорожных манипуляций, но мы никак этот эшелон не могли получить до ночи. Благодаря этому все 24-е декабря мы по существу оставались без резерва, имея его в Сандари. Слава Богу, армяне не проявили инициативы, и кризис вновь прошел благополучно. Вот пример вреда вмешательства не в свою компетенцию людей, даже страстно желающих помочь делу.

Ген. Чхетиани было приказано объединить командование своим эшелонном и батальонами 5-го полка, уже выдвинутыми, и ударить по левому флангу противника, обходя Шулаверы; ему придана была артиллерия, довольно могущественная по нашему масштабу, именно несколько батарей, а вперед выслана единственная конница, разведческий эскадрон подп. Эристави с целью разведки и освещения того района, по которому ген. Чхетиани должен был совершить подход к полю сражения. Опоздав на целый день, ген. Чхетиани мог начать атаку только 26-го утром, а не 25-го, как было предначертано и что было сбито задержкой эшелона у Сандари.

26-го утром Самтрелская Гвардия, обходившая фланг армян, овладела высотами, командующими над городом Шулаверы, и вечером мы получили от ген. Чхетиани донесение что завтра, 27-го утром, он спустится в Шулаверы. Как потом говорил этот боевой генерал, он никогда в своей жизни таких донесений не посылал, но позиции, взятые им, были настолько крепкими и решающими для взятия города, что он окончательно уверился в успехе и позволил себе в донесении уверенно говорить о будущих действиях.

За это время нами принимались меры к упорядочению центра ген. Сумбаташвили в смысле управления, связи на участке, укреплений позиций окопами и усилению артиллерии и пр. Надо сказать, что участок ген. Сумбаташвили включал в себя до 12 единиц различного наименования. Из армейских частей у него были 2 роты 6-го полка и офицерская рота, а также почти не способная к бою рота пограничников из состава бывшего отряда полк. Цулукидзе. Остальное были добровольческие отряды.

26-го декабря ночью мы получили от ген. Чхетиани весьма неприятное донесение. Он доносил, что Самтредский батальон с наступлением темноты бросил позиции без боя и спустился вниз к штабу участка; он добавлял, что завтра с утра вновь произведет атаку. Атака нашим правым флангом, рассчитанная на неожиданность для армян, не удалась; теперь надо было ломить в открытую.

Подтвердив ему приказание атаковать, я на другой день утром решил доложить ген. Мазниашвили свой план действий, о котором говорил выше. Атака ген. Чхетиани привлекла внимание армян, а его повторная атака несомненно оттянет силы армян в этом, совершенно опасном для нас направлении, что мне и нужно было. Предварительно я пригласил ген. Сумбаташвили и сказал ему, что я хотел предпринять. Выслушав мой план, ген. Сумбаташвили сразу преобразился, лицо его повеселело, он вскочил и стал оживленно говорить: „План великолепный, вот именно он удался, я понимаю его, он не может не удался; он будет неожиданным для армян, и мы всех их залапаем в Шулаверах“. Я был очень рад. Исполнитель плана был налицо. Самый лучший исполнитель всякого плана есть или его создатель, или тот, который этому плану сочувствует и которому таковой правится. Я был рад и как составитель, ибо получил одобрение боевого генерала, которого опыт и боевые заслуги не могут не заслужить к себе самого высокого уважения. „Георгий Иванович“, — продолжал уже с комизмом Сумбаташвили, — „этот план так мне нравится, что я, бросив давно курить, разрешу себе покурить, дайте одну папиросу“. Я просил его поддержать меня при моем докладе ген. Мазниашвили; при этом я добавил, что ему придется исполнять эту операцию. Он выразил полную готовность и был очень рад. Доложили Мазниашвили. В это время мы уже имели в резерве один батальон 5-го полка, 5 конно-пеших эскадронов и еще один батальон 1-ой дивизии; кроме

того, ожидалось ежечасно еще подкрепления. План состоял в следующем.

Пользуясь тем, что противник на правом берегу р. Дебеда-чай совершенно не обнаруживался, я стянул силы к Шулаверам, согласно этого плана надо было атаковать Садахло, которое являлось тылом для армян, находившихся в районе Шулавер, и пунктом связи с подходившими к ним подкреплениями. Овладев их тылом и разорвав их связь, а это было очень легко, так как в Садахло у них почти ничего не было, можно было быть уверенным, что Шулаверцы, почувствовав себя отрезанными с тыла и теснимыми с фронта и со своего левого фланга (атака ген. Чхетиани), принуждены были бы уступить позиции, причем им пришлось бы или попасть в плен, или рассеяться в направлении на юг по горам. Ген. Мазниашвили отклонил этот план, несмотря на наши уговоры; он говорил, что у него мало останется в резерве. Я его не виню. Действительно, одно дело советовать, другое брать на себя ответственность. Конечно, доля ответственности лежала и на мне, но так сказать чисто нравственного порядка; но ответственность за общее дело, за его благополучный исход, за жертвы, ответственность служебная лежала на нем всецело. Я по опыту знаю, что значит быть начальником штаба и что значит быть ответственным начальником. В этой ответственности за исполнение и заключается главная разница между этими должностями. Мазниашвили решил взять один батальон 5-го полка, лично повести на правый фланг и там добиться успеха. Он так и сделал. Но, к несчастью, успеха не последовало. 5-му полку приходилось наступать по совершенно открытой местности, и туман, мешавший нашей артиллерии стрелять с успехом, не позволял достичь успеха. Между тем к вечеру 27-го мы получили донесение, что Самтредцы с утра атаковали брошенные ими накануне высоты, овладели ими и даже взяли два пулемета. Опять назревал общий успех, но ночью последовало разочарование. Ген. Чхетиани донес, что с наступлением темноты Самтредцы вновь оставили позиции и спустились назад, и что он просит себя отозвать, так как не желает командовать такой недисциплинированной частью. Опять неудача. На правом фланге успеха, так горячо всеми ожидаемого, нет; на удар по Садахло Мазниашвили не соглашается, да и предназначенные для этого силы наполовину израсходованы для подкрепления правого фланга. Надо придумать что-нибудь новое. Тогда на другой день с утра я пригласил к себе ген. Сумбаташвили, рассказал ему всю обстановку и сказал, что надо рвануть ему в центре. Против нашего центра была одна высота, взятие которой решало бой на этом участке. „Что ж“, — сказал я, — „Гого, валийте; ваше положение прочное, у вас много артиллерии, даже гаубицы; соберем туда весь огонь и хлопшем; атаку произведем стойкой частью, как например, ротами 6-го полка; сделаем ее перед наступлением сумерек, когда армяне будут себя считать обеспеченными от всякой нашей атаки и этот день и в то же время, если возь-

мем гору, наступление сумерек и темноты помешает армянам открыть артиллерийский огонь по этой горе“. Ген. Сумбаташвили присоединился к возможности успеха атаки и отправился делать соответствующие приготовления. Час был назначен 3 часа дня; в 4 в это время года уже начинает смеркаться. Между тем я вновь докладывал Мазниашвили, что необходимо ударить по Садахло, тем более что начали подходить батальоны 1-й дивизии. Надо добавить, что теперь обстановка несколько уже изменилась; на железнодорожном направлении появились армяне, вероятно почувывая болезненность для них этого направления; они заняли одну из селений на этом направлении в верстах 3-4-х от ст. Ашаги-Сераль, поставили там пушки и целый день обстреливали ст. Ашаги-Сераль, т. е. штаб и резервы. Правда, огонь был безрезультатный, но производил нехорошее моральное впечатление. Он согласился. Я сейчас же составил отряд, который должен был выступить еще до решения у ген. Сумбаташвили. Ген. Сумбаташвили, занятого своей атакой, к сожалению, уже нельзя было назначить начальником этого отряда. В это время при штабе отряда ген. Мазниашвили состоял полк. Г. Цулукидзе. Как я выше указывал, он был отчислен от командования и отозван в Тбилиси, причем причиной к его отозванию в Тбилиси было, по-видимому, его отступление и, вообще, его неудачное ведение военных действий. На этих последних днях он распоряжением ген. А. Гедеванишвили был командирован в распоряжение ген. Мазниашвили. Какая цель была его присылки, я не понимаю. Если над ним висело обвинение в неправильных действиях, то его не следовало присылать на фронт и притом до полной его реабилитации; если он оказался правым, то кто это расследовал. Если его отставили от командования и отозвали, не имея достаточных данных, то ясно, что надо было его восстановить в своей должности, а не присылать в распоряжение ген. Мазниашвили. Во всяком случае присылать его на фронт, где отстранение от должности подорвало его авторитет, было недопустимо.

Ген. Мазниашвили назначил его, я протестовал. Но ген. Мазниашвили сказал, что он был в Садахло, знает эти места и, вероятно, приложит все усилия, чтобы себя реабилитировать.

С места же я убедился, что это назначение было неудачное. Передав ему письменный приказ, я ему объяснил и на словах все, что от него требуется, дабы не было бы какой-либо неясности при чтении приказа. При этом я просил его торопиться со сбором отряда и выступлением, так как ему придется переходить р. Дебеда-чай, которую лучше перейти засветло. Я приходил к нему несколько раз, но никак не мог заставить его проявить необходимую спешность; я даже ген. Мазниашвили привлек к этому. Ничего не помогло, и он с выступлением опоздал. Когда я был у него, он, смотря на карту, все время говорил, что будет очень трудно перейти р. Дебеда-чай. Я чувствовал, что он этой реки не перейдет; между тем движение по правому берегу было необходимо. Как только он выступил, я сейчас же

организовал еще один отряд под начальством подп. 6-го полка Джапаридзе и приготовил его для перехода на другой берег в течение ночи; поручил саперам немедленно отправиться к реке и организовать хотя бы облегченным способом переход этого батальона; найти броды, достать арбы и пр. Итак, командирование полк. Цулукидзе в распоряжение ген. Мазнишвили стихийно вызвало его назначение, которое чуть не закончилось трагически для нас и чуть не сорвало всю Шулаверскую операцию. Ночью он донес, что перейти через Дебедачай ему не удалось и он пошел на Садахло вдоль железной дороги, а не по правому берегу р. Дебедачай. Мое предчувствие оправдалось, но меры парированные уже были приняты. Ему было отвечено, чтобы он продолжал наступление на Садахло, сбив противника, находящегося по пути и обстреливавшего ст. Ашаги-Сераль артиллерийским огнем; в то же время он предупреждался, что по правому берегу р. Дебедачай будет наступать батальон, который имеет задачей также содействие ему при его продвижении на Садахло и что этот батальон подчиняется ему по приходе в Садахло. Кстати сказать, этот батальон ночью перешел реку и даже с пушками.

Между тем атака в центре у Сумбаташвили увенчалась успехом; роты 6-го полка под начальством лихого офицера А. Мадчавариани, поддержанные артиллерией и гаубицами, взяли эту высоту с потерей, кажется, 10-ти или 12-ти человек. Мы в центре висели над Шулаверами; дело было по существу уже выиграно. При дисциплинированных войсках можно было бы предпринять ночное наступление на Шулаверы, но я боялся какой-нибудь ночной случайности, особенно принимая еще во внимание пересеченность местности, сады, окружающие этот город, а главное, непременный разброд людей по домам; вот вся эта обстановка могла вырвать у нас добытый успех. Теперь все зависело от энергичности действий и быстроты движения полк. Цулукидзе из Садахло, чтобы выйти в тыл армянам. Победа была бы полная и можно было быть уверенными в том, что, удайся это, мы почти не встретили бы сопротивления до Эривани.

Но несмотря на всю нашу предусмотрительность, нам это не удалось, и армяне выскочили из западни, хотя сильно расстроенными. Несмотря на все принимаемые меры, связь с полк. Цулукидзе не налаживалась; а он, несмотря на то, что был всего в нескольких верстах от нас, не связывался с нами. На другой день часов в 9 утра, не получая от него никаких сведений и уверенный, что на рассвете должно произойти у него столкновение с противником, я пошел один вдоль железной дороги в направлении на Садахло. Я прошел около версты с небольшим; взойдя на холм, я видел перед собой всю равнину и деревни района, где должно было произойти столкновение. Было совершенно тихо; не раздавалось ни одного выстрела. Вдруг вижу скачущего вдоль железной дороги всадника по направлению ко мне. Я стал ждать. Издали узнаю офицера одного из конных полков. Увидев меня, он перескочил железную дорогу и направился ко

мне. В руке пакет. Издали я крикнул ему: „Пушки взяты“. „Так точно“, — ответил он. Это были четыре пушки, которые обстреливали ст. Ашаги-Сераль, где был наш штаб. Прочитав донесение, я сказал: „Дуйте назад, скажите на словах, везде на фронте успех, да скорей гоните пушки в Ашаги-Сераль“. „Их на волах уже везут“, — ответил он. „Передайте полк. Цулукидзе, что сейчас пришлю ему с конным дальнейшие указания, а пока пусть гонит армян и исполняет ранее полученные приказания“. Я вернулся на станцию.

Наши войска уже вступили в Шулаверы, где захватили две пушки и склады. Как выяснилось, противник еще ночью стал отступать. Теперь дело было в полк. Цулукидзе. Я должен сказать, что полк. Цулукидзе, несмотря на то, что с рассвета находился верстах в 12-ти от Садахло, этого селения в этот день не достиг. Армяне отошли за Айрум; это собственно не было правильное отступление, иначе они остановились бы в районе Садахло.

На 29-е было отдано приказание проходить мимо Шулавер и преследовать противника. Частью это было исполнено, частью нет. 5-й полк продолжал движение на Опреты, настиг армянские части и рассеял их.

*
* *

С Теперь немного коснусь действий нашего Екатериненфельдского отряда, составленного из гвардейских частей. В начале первых дней начавшейся войны, не сумею сказать в ночь на какое число, у Екатериненфельда, где был сосредоточен весь отряд, произошел бой. Армяне атаковали, захватили гвардейские части врасплох и захватили пушки. Благодаря тому, что здесь оказались налицо Какуца Чолокашвили, Майсурадзе, Джугели и другие вожди, не потерявшие голову, дело было мигом исправлено. Эти вожди собрали около себя людей, перешли в контратаку, отбросили армян и вернули пушки. Потом выяснилось, что здесь действовали 4 роты Армянского полка, поддержанные местными жителями. Затем здесь наступило затишье. Это ночное дело раскричали, как чрезвычайный подвиг Гвардии, всюду писалось и говорилось об этом, и конечно, невольно напрашивалась параллель с армией, где были якобы одни неудачи. Этот бой показателен был с другой стороны; он указывал на отсутствие внутреннего порядка в части, коли ее застигли врасплох, он указывал, что в этой организации или не знали совершенно сторожевой службы, или ею пренебрегали. Но, конечно, это умалчивалось; надо было хвалить и хвалили. Как выяснили бои, главные силы армян сосредоточились на Шулаверском направлении; во время боев у этого города, гвардейская Екатериненфельдская группа перешла к активным действиям и атаковала селение Больнис-Хачин. Как велись там дей-

ствия, я ничего не могу сказать; мы обменивались телеграммами, и я знал, что там все идет благополучно, хотя атакованное селение еще не было взято. 30-го декабря мы передвинули общий резерв на юг, по направлению на Садахло. В это время я получил тревожное сведение из Екатериненфельда. Гвардейский отряд, как я знал, окружал Больнис; между тем сообщали короткую телеграмму от адъютанта штаба Гвардии, в которой говорилось, что Гвардия окружена, что она находится в критическом положении и просит экстренной помощи. Я очень пессимистически отнесся к этой телеграмме и не поверил ей. Однако некоторые меры принял. Передал экстренно начальнику резерва Главнокомандующего в Сандари выслать, что может, в Екатериненфельд; оказалось, что тот может выслать всего роту или, кажется, и того меньше. Все-таки выслали. Кроме того, я приказал из Сандари направить туда же батарею Цагурия, шедшую по моему ранее отданному приказанию на Ашаги-Сераль к нам.

Одновременно с этим пришел ко мне Ладо Джибладзе, который уже знал про эту телеграмму, и просил послать туда экстренно помощь. Я сказал ему, что это вероятно ерунда, местная тревога, но что я уже сделал некоторые распоряжения. Я отлично сознавал, что если я не окажу помощи, то меня будут упрекать в том, что я, как противник гвардейской организации, намеренно не оказал помощи; забывая, что Гвардия мне всегда ближе, чем враг. Однако лишь для опровержения такого обвинения и как бы для реабилитации своей личности, я все же не мог riskовать ослабить Шулаверский фронт, несомненно более важный, и, как показали ближайшие события, поступил правильно. Но Джибладзе настаивал и тогда я ему предложил взять все гвардейские части с Шулаверского фронта и отправить их в Екатериненфельд. Этим я достигал и правильного распределения сил, и правильной их организации; у нас гвардейские и армейские части были все время переменными и только 29-го, после успеха, удалось кое-как упорядочить это дело. Уже наметились: правая колонна — 5-й полк, левая колонна — полк. Цулукидзе с армейскими частями; у Мамаея собираться в резерв ген. Сумбаташвили части 1-й и 2-й дивизий. Гвардия же нашего отряда почти вся сосредоточилась в Шулаверах, и, кстати, я думал, что призыв идти на помощь к своим братьям побудит их бросить грабеж Шулавер. Там уже были случаи насилия, и ген. Мзизашвили лично туда ездил для наведения порядка. Джибладзе ушел, но через некоторое время вернулся и просил послать армейские части, так как Гвардия очень устала. Я категорически отклонил. Он ушел и опять вернулся, и просил, нельзя ли взять у артиллерии лошадей, посадить на них усталых гвардейцев и послать верхами. Конечно, пришлось отклонить и это предложение. Я забыл упомянуть, что, прося взять артиллерийских лошадей, Джибладзе сказал, что им не удастся вытаскать гвардейские части из Шулавер. Назначая Гвардию идти в Екатериненфельд, я предложил вести ее ген. Чхетиани; он категорически отказался, ука-

зывая, что не может командовать такими частями, которые не исполняют его распоряжений. Гвардию собирали два дня, наконец собрали и отправили на присоединение к гвардейскому Екатериненфельдскому отряду. К вечеру же дня получения тревожной телеграммы из гвардейского отряда выяснилось, что там все благополучно.

*
* *

На Садахлинском направлении между тем случилось следующее. Полк. Цулукидзе достиг Садахло лишь 30-го декабря; здесь он пригнул батальон 6-го полка, наступавший по правому берегу р. Дебеда-чай, перевел его на левый берег Дебеда-чай и весь свой отряд вытянул в направлении от Садахло на запад, т. е. в сторону обратную от Айрума, куда отошли главные силы армян. Они оттуда пришли, они туда же ушли. Нельзя было не обращать самого серьезного внимания на это направление. Затем батальон с правого берега был переведен на левый берег; между тем правобережному направлению начальником отряда придавалось большое значение. Это явствовало из того, что для захвата Садахло движение отряда полк. Цулукидзе было намечено не по левому, очень удобному для движения, а по правому берегу р. Дебеда-чай; что, наконец, когда он, полк. Цулукидзе, не пошел по правому берегу, то сейчас же по правому берегу был выслан батальон. Все это надо было взвесить, обратить внимание на правый берег и, как следствие, захватить высоты на правом берегу р. Дебеда-чай к востоку от Садахло. Это было бы нашим обеспечением при операциях в направлении и на Айрум, и на Алавердинский завод. Этого не было сделано, и мы чуть-чуть не заплатили за это самым жестоким образом. 31-го декабря наш резерв и наша артиллерия стояли в районе Мамаея.

К этому времени армяне получили подкрепления, свежий 4-й полк, и повели наступление от Айрума на Садахло. Противник артиллерийским огнем обстрелял биваком стоявшие наши резервы и повел наступление. Это направление выходило полк. Цулукидзе одновременно и во фланг, и в тыл. Меня вызвал ген. Сумбаташвили к телефону и передал обстановку, испрашивая указаний; при этом он сказал, что один батальон уже пошел на ту сторону реки Дебеда-чай. Я сразу учуял, что у полк. Цулукидзе неладно. Я тогда не знал обо всем том, что было сделано полк. Цулукидзе, т. е. что он углубился в сторону, противоположную от Айрума. „Гоните все, что у вас есть, на ту сторону и скорей занимайте гребень к востоку от Ломбало“, — ответил я. „Это надо сделать во что бы то ни стало, иначе все сделанное будет сорвано“. Он сказал, что он все это понимает, что он уже выслал один батальон, но что остальными он без нашего распоряжения боялся распорядиться. „Действуйте“, — закон-

чил я. Батальон полк. Гардапхадзе, к счастью, успел переправиться на другой берег и в самый раз занять гребень, с которого он огнем отбросил наступающие части противника. Положение было спасено.

31-го декабря в 12 часов ночи было приказано закончить боевые действия и с горьким чувством мы приступили к переговорам. При более быстрых действиях полк. Цулукидзе, не будь задержки эшелона Самреднев у Сандари и двукратных самовольных оставлений этим последним своих позиций, 31-го декабря нас увидело бы далеко за Алавердинским заводом.

КОНЕЦ ВОЙНЫ С АРМЕНИЕЙ

Итак война кончилась с благополучным для нас исходом. Тбилиси был спасен от нашествия и претензии армян на Тбилиси навсегда опплати. Я считаю, что если бы армяне не были пригвождены к Шулаверам, а продолжали бы наступать, то война была бы остановлена только под стенами Тбилиси. Тбилиси мы, несомненно, отстояли бы, но иностранные власти нам не дали бы возможности отбросить армян далее, чем за Храм, и в 1921-м году вряд ли бы нам удалось военные действия с большевиками превратить в войну. Тбилиси был бы взят на плечах разбитых на Храме войск. Я этим хочу сказать, что выигрыш Шулаверского боя дал нам более удачную от столицы границу; это обстоятельство дало нам возможность в 1921-м году спасти Тбилиси от немедленного захвата большевиками. Все столкновения до Шулаверского боя нельзя считать не только решительными даже для таких маленьких государств, как Грузия и Армения, но и простой войной; их можно отнести к разряду мелких пограничных столкновений. Только Шулаверский бой является столкновением вооруженных сил обоих государств; здесь встретились почти все вооруженные силы Армении с частью наших вооруженных сил. Это последнее обстоятельство доказывает, что Армения готовилась к нападению, мы же его проморгали. И это есть промах нашей дипломатии. Правда, с правдивой стороны мы оказались правыми перед судом общественным; наша совесть была чиста. Но вряд ли такая цель может оправдать такие действия, которые поставили государство в критическое положение, и ту лишнюю кровь, ценой которой мы спасли наше положение.

Несомненно, Шулаверский бой был решающим; противник поспешил бросил позиции и отошел большей частью за Айрум, а меньшая часть, рассыпавшись, ушла прямо на Алавердинский завод. Большая часть армянских сил была разбита и, конечно, уже не была способна на то упорство в бою, которое она выказала до этого боя. Мы же, собственно, после Шулаверского боя только развернули наши силы и при этом далеко еще не все. Вследствие этого можно сказать, что если далеко не всеми нашими силами мы разбили почти все

войска армян, то для дальнейшего ведения войны мы были в более благоприятном положении, чем армяне. По организации у армян существовало 6 полков; из них под Шулаверами, считая подошедший 31-го декабря, участвовало 4 полка, затем добровольческий полк, Шулаверцы и местное население Бомбакского района. Мы же ввели в дело 5-й полк, часть 6-го, 5 пехе-конных эскадронов, отдельный батальон 1-й дивизии и Гвардию, что составляло не более трети всех наших вооруженных сил.

Каких же результатов мы достигли нашей войной, несомненно выигранной, так как после Шулаверского боя в успехе войны нельзя было сомневаться. Не останавливаясь на деталях, приходится отметить, что то, что мы имели до войны, мы уступили. То, что мы считали неотъемлемо нашей территорией, мы сделали спорным и это тогда, когда мы силой оружия заставили противника отказаться от своих притязаний. Ведь свою территорию уступить или сделать спорной можно и без войны, и дипломатическим путем. К чему было прибегать к оружию и проливать кровь? А если прибегли к оружию, то пролитая кровь требует, чтобы она была достойным образом оценена. Это было ясно для дипломатов всех времен и народов, для дипломатов, даже руководствовавшихся прежде всего интересами лишь повелителя. Казалось бы, дипломаты, вышедшие из недр народа, должны были бы прежде всего руководствоваться благом народа и не позволять себе такой роскоши, как напрасное пролитие крови своего народа. Для чего была пролита кровь? Нам скажут — „Мы не могли, мы сделали все, но обстоятельства были таковы, что мы должны были согласиться на эти условия“. Вот все дело в этом „не могли“ и это всегда будет, когда в основу дипломатии кладутся не реальные интересы народа, не реальная сила, не войско, его сила и успех, а ссылаются на какие-то расплывчатые, зыбкие основания, вроде взываний к принципам интернационала, к правам народа, человека, к принципам социализма, Маркса и пр. По окончании войны, как только приступили к демобилизации, я уехал в Тбилиси. Затем подал в отставку и был уволен. Были сделаны попытки оставить меня на службе, предложили остаться состоять при Военном Министре.

*
* *

Судьба опять выбросила меня через месяц на театр военных действий и в феврале я был вновь на службе. Пока подведу итоги совершенно тому, как мной было сделано в моих записках за период до призвания на пост помощника Военного Министра Закавказской Республики.